

Марина
СЕРОВА

*Алая роза –
символ печали*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина С. Серова
Алая роза – символ печали
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5574282
Алая роза – символ печали : роман: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63348-7, 978-5-699-58587-8

Аннотация

На газоне перед общежитием театрального института обнаружен труп красавицы-журналистки Марго с пробитой головой, лежащий в странной позе: ноги скрещены в щиколотках, руки раскинуты, словно она хочет обнять небо, на груди – алая роза... Неудовлетворенная результатами официального следствия, свекровь девушки Вероника, души в ней не чаявшая и считавшая чуть ли не святой, нанимает частного детектива Татьяну Иванову для поисков настоящего преступника. По словам свекрови, Марго все очень любили: и муж Павел, и лучшая подруга Инга, с которой они вместе работали в журнале, и вообще все-все-все... Только вот у кого-то все же поднялась рука уничтожить «ангела», подставив невинного бомжа, да еще «оформить» ее смерть весьма оригинальным способом...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	40
Глава 6	45
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	59
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Марина Серова

Алая роза – символ печали

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

«Пить надо меньше, надо меньше пить» – эта ставшая крылатой фраза героя бессмертного фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!» звучала в моей несчастной голове этим утром. Признаюсь как на духу: накануне мы с моим последним (кстати сказать, весьма милым и симпатичным) клиентом очень весело отметили благополучное завершение следствия.

Представьте себе: роскошный ресторан, великолепнейший стол и дивное «Бордо» семилетней выдержки, которое мы пили как воду, совершенно не задумываясь о последствиях.

– Вы – уникальная женщина! – пел мне хвалебную песню клиент. – Такая очаровательная! Я, признаться, когда вас увидел в первый раз, невольно подумал, что приятель надо мной подшутил: ну не может такая прелестная блондинка раскрыть махинации в нашем банке, у нее просто мозгов не хватит... Хватило! Вы, дорогая моя, умница и красавица, переплюнули всех, и за это вам – мое огромное человеческое мерси!...

Можете себе представить, как приятно было слышать в свой адрес такие замечательные комплименты, и все это – вдобавок к весьма кругленькому гонорару! Так выпьем же за это!...

Стоп, стоп, стоп! Увы, похмельное утро до жути безжалобно: в голове – бесконечное кружение, как будто пары «Бордо» еще не до конца выветрились, и каждый звук извне – словно молот, который отчаянно бьет по моей очаровательной и несчастной голове. Ах, отчего же, когда мы вновь и вновь поднимаем полные бокалы, никто не советует нам оставить это опасное занятие и переключиться на что-нибудь полезное и безобидное – к примеру, на уборку пылесосом или вышивание гладью... Господи, прости меня за все сразу!

Итак, на календаре было двадцать первое июня (очко!), на часах – два часа пополудни, в моей голове, повторяюсь, – вихри враждебные, но я все-таки заставила себя подняться с кровати и принять контрастный душ, который почти привел меня в норму. Слава воде!

Следующим моим шагом было священнодействие с кофе. Всякий, кто меня знает, в курсе: без кофе у меня не начинается день. И вот я, уже улыбаясь, насыпала в турку молотого кофе «Jardins» и поставила ее на огонь, наслаждаясь ароматом, который в одно мгновение заполнил всю мою кухню. Кофе поистине напиток богов!

Не помню где, как-то я прочитала любопытные сведения о моем любимом кофе. Дескать, именно этот волшебный напиток помогает дамам поддерживать отличную форму, не набирая лишний вес, – главное, начинать утро с чашечки

крепкого кофе. Но есть один маленький нюанс: кофе необходимо пить без сахара. Что касается меня, то я давно пью его, так сказать, в чистом виде – то бишь без сахара и прочих сладостей типа шоколада или пирожных. Только так, на мой взгляд, и можно почувствовать вкус настоящего кофе.

И вот, как только я налила себе первую чашечку и закурила под горячий аромат сигаретку, раздался телефонный звонок. В голове моментально что-то тюкнуло, я невольно поморщилась и осторожно взяла трубку.

– Алло, слушаю...

– Добрый день. Татьяна Александровна Иванова?

Кстати, разрешите представиться: меня действительно зовут Татьяна Александровна Иванова, я благополучно проживаю в славном городе студентов Тарасове и тружусь частным детективом – такая изящная и длинноногая, вечно молодая блондинка. Прошу любить и жаловать!

– ...Так точно, Татьяна Александровна – кстати сказать, можно и без отчества, по-европейски.

– Согласна. В свою очередь – меня зовут Виктория Сергеевна Трубникова, но я, как и вы, предпочитаю без отчества – Виктория, хотя мне уже давно за пятьдесят. Мне рекомендовал вас один мой знакомый – в прошлом году вы замечательно распутали историю с его пропавшей дочерью... Могу я нанять вас, чтобы выяснить, кто на самом деле убил мою сноху?

Вот так вот – кратко и четко, без лишних эмоций и слез,

хотя их отзвук и ощущался в произнесенной Викторией фразе «убил мою сноху».

– Разумеется, Виктория.

Я едва успела произнести с необходимой толикой сочувствия данные слова, как эта решительная дама просто виртуозно завершила наш телефонный диалог предложением-приказом:

– Отлично. Встречаемся в три часа на террасе кафе «Восточная сказка» на Центральном проспекте. Знаете такое?

– Знаю. Но...

– Вот и хорошо. До встречи.

И тут же в трубке зазвучали раздражающие, пронзительные телефонные гудки, заставив меня в очередной раз поморщиться – голова, признаться, у меня до сих пор была далека от стопроцентно нормального состояния. Я отложила трубку в сторону и со вздохом сделала первый глоток кофе.

Итак, вывод до чрезвычайности прост: не успела я отдохнуть после благополучного завершения одного дела, как мне подкинули новое, да к тому же связанное с убийством. Не знаю, как вам, а для меня распутывать клубки чужих историй, а подчас трагедий – лучшая работа на свете.

Я допила свой кофе, достала косметичку и тут же, как говорится, не отходя от кассы, нарисовала себе глазки-губки-бровки и прочее; затем я прошла в гардеробную и, недолго думая, надела светлые бриджи и майку-тунику фисташко-

вого цвета. Каких-то двадцать минут, и я была готова: красавица «чуть старше двадцати» (хотя на самом деле мне уже под тридцатник), тонкая и звонкая и, несмотря на вчерашнюю гулянку, как новенькая!

Учитывая то, что живу я в каких-то двух шагах от Центрального проспекта с вышеупомянутым кафе «Восточная сказка», времени до встречи с новой клиенткой оставалось вполне достаточно для того, чтобы по старой доброй традиции бросить кости. Надеюсь, вы в курсе, что такое гадание на костях? Кому любопытно, могу рассказать немало интересного на эту занятную тему. А что может быть волнительнее тайн древних оракулов?

Представьте себе: в глубокой древности, задолго до рождения Христова кочевники, которые гнали впереди себя стада баранов, изучали движение звезд и стадии роста трав, приметы погоды и способы самоисцеления, а также предсказывали будущее, используя для этого астрагалы – позвонки или лодыжки принесенных в жертву богам овец. Вспомним хорошо известную легенду: прежде чем перейти Рубикон и во главе легионов захватить власть в Риме, Юлий Цезарь воскликнул: «Жребий брошен!» Между тем во многих переводах эти слова Цезаря звучат несколько иначе: «Кости брошены». Выходит, и Гай Юлий баловался предсказаниями.

Прошли века, и к древним гаданиям проявили пылкий интерес люди нового времени – в том числе и я, грешная. На сегодняшний день у меня есть добрая традиция: каждое

новое дело я непременно начинаю с того, что делаю самой себе прогноз. И прошу поверить мне на слово: ни разу предсказания меня еще не подводили. Все точно, как в аптеке.

Итак, я бросила кости. Десятка, пятнадцать и вновь очко – двадцать один, этот расклад означал следующее: много страхов, много проблем, переплетение работы и личного, но все завершится благополучно, если я не побоюсь рисковать – «Кто не рискует, тот не пьет шампанского».

Признаться, на последнюю фразу моя несчастная голова ответила легким дребезжанием, но я мужественно улыбнулась (назлю всем «Бордо»!) и лишь небрежно пожалала плечами. В каждом деле всегда много если не страхов, то уж проблем-то точно, и практически в каждом приходится идти на риск – ведь если кто-то тебя нанимает, чтобы найти ответ на какой-то конкретный вопрос, значит, есть кто-то, кто желает этот ответ запрячь как можно дальше с глаз долой.

Слово «риск», в свою очередь, натолкнуло меня на рассуждения в совершенно новом направлении. Конечно, насмотревшись американских боевиков, вполне можно представить себе Татьяну Иванову такой безупречной и крутой, лихо стреляющей из всех видов оружия, укладывающей в ряд самых накачанных амбалов с помощью искусств карате, дзюдо и кикбоксинга. Сколько раз я и сама представляла себя именно такой героиней и даже давала себе слово записаться в секцию каких-нибудь восточных единоборств и в клуб юных стрелков до кучи...

Увы! Все это так и осталось в разделе «Светлые мечты юности», а в каждом новом деле я вполне обхожусь лишь своими мозгами да внешней привлекательностью. Порой очаровательная улыбка гораздо проще может «уложить» на лопатки самого крутого бойца, нежели прием контактного карате.

Я вздохнула и постаралась отвлечься от этой темы, ведь-ма болезненной в самом прямом смысле при имеющем место похмельном синдроме. Гораздо полезнее было подумать о чем-нибудь милом и мирном... Интересно, а «переплетение работы и личного» – не намек ли это на то, что в меня может влюбиться некто из имеющих отношение к делу людей или даже сам убийца? Я тут же представила себе красавца в стиле Джеймса Бонда, который грохнул некую «сноху Марго», небрежно и дерзко творит зло в моем родном светлом городе Тарасове, а при первом же взгляде на меня теряет голову, кается во всех грехах и падает передо мной на колени. Я, разумеется, в ответ говорю ему презрительное «Фи!», и бедолага с горя тут же уходит в монастырь. Тибетский.

Да, что ни говори, а порой в моей голове разворачиваются великолепнейшие сюжеты для интереснейших сериалов.

Я собрала кости в мешочек и убрала его на полку. Как бы то ни было, а главное, что все «завершится благополучно».

Пора было отправляться на встречу с Викторией.

Глава 2

Этот день выдался на редкость чудесным: ослепительное солнце, теплый ветерок, чистое синее небо и сплошные улыбки вокруг – каждый второй из встретившихся мне по пути людей так широко улыбался, словно враз исполнились все его самые заветные и сокровенные мечты.

Я и сама шла, улыбаясь немного блаженной улыбкой: мягкий ветерок словно уносил остатки головной боли, и жизнь казалась дивной и прекрасной. Только когда я случайно увидела свое отражение в стеклянной витрине (изящная блондинка в черных очках, улыбающаяся так, словно ее только что одарили рублем или еще чем-то), то постаралась срочно изменить выражение своего лица, приняв вид серьезный и вдумчивый, как и подобает частному детективу. Отследив изменения во внешнем облике с помощью все той же витрины, я сдержанно улыбнулась и направилась к террасе знакомого кафе, где была назначена встреча.

Кстати сказать, Викторию я заметила сразу же: за крайним столиком сидела стройная дама в скромном черном платье с легким шифоновым шарфиком на шее, в черных очках. Она с грустной улыбкой наблюдала за проходящими мимо юношами и девушками – шумными, хохочущими, загорелыми и беззаботными. И пусть раньше я никогда в жизни не встре-

чала эту самую Викторию, однако готова была поклясться, что это именно она: слишком уж редко в эти летние солнечные дни можно встретить на улицах дам в черном. А она была в черном, увы.

– Добрый день.

Я стояла перед ней, сдержанно улыбаясь.

Она вздрогнула, внезапно прервав свои грустные размышления, перевела взгляд на меня и тут же слегка вздернула брови – готова поспорить, что и она, как вышеупомянутый последний клиент, удивилась моему молодому и великолепному облику (сам себя не похвалишь, никто не похвалит), одновременно усомнившись на мгновение в моих умственных способностях.

Впрочем, Виктория тут же улыбнулась и кивнула, предлагая мне сесть.

– Присаживайтесь, моя дорогая Татьяна. Как это у Александра Сергеевича: «Итак, она звалась Татьяна...» Я ведь всю жизнь работаю преподавателем в университете – русский язык и литература. А вы, признаться, меня удивили: такая молодая, такая красавица и – частный детектив? Но я тут же вспомнила рекомендации знакомого. Он мне сказал, усмехнувшись: «И учти, дорогая, что эта девушка – красавица и умница в одном лице». Что ж, он полностью прав насчет красавицы. Будем надеяться, что окажется прав и насчет умницы.

Мне оставалось только смиренно и вежливо улыбнуться и

повесить сумочку на спинку своего стула.

Подошел официант, и Виктория все с той же улыбкой развернулась ко мне, предложив сделать заказ.

Это был некий каскад супервежливых улыбок с обеих сторон. Я, в свою очередь, ответив новой ослепительной улыбкой, заказала для себя, любимой, кофе латте, чтобы окончательно вернуться в нормальное состояние, а Виктория тут же удвоила заказ, без вопросов согласившись на латте и для себя, сделав официанту соответствующий жест. У меня осталось такое впечатление, что этой красивой женщине в данный момент было абсолютно все равно, что пить и есть, так же, как было все равно – светит ли солнце или льет дождь.

А она действительно была красива: высокая сухопарая миледи с безупречным лицом, словно выточенным из мрамора, с палевыми волосами, небрежно собранными на макушке заколкой из слоновой кости; а когда она сняла черные очки, устало потеряв виски, оказалось, что ее глаза, чуть удлиненное к вискам, удивительного бледно-голубого цвета – цвета вечного льда.

– Давайте для начала я расскажу вам нашу трагедию – так, как ее представляли посторонние люди, которые передавали друг другу всю эту историю, словно увлекательный бульварный детектив.

Она горько усмехнулась и закурила длинную сигарету, предварительно поинтересовавшись, не против ли я. Разумеется, я была не против, в свою очередь, достав еще не рас-

печатанную пачку «Vougue».

– Итак, все это произошло совсем недавно – в ночь на воскресенье, девятнадцатого июня. Рано утром одна из студенток театрального института проснулась в комнате общежития, что на улице Цветочной, – знаете, такое семиэтажное здание? – выглянула в распахнутое окно... и истошно закричала. Закричала, потому как далеко внизу, на зеленом газоне, лежала моя дорогая Марго – жена сына Павла. Марго была мертвая, с разбитой головой, на ее груди была красная роза, а руки были раскинуты в стороны – так, словно она хотела обнять небо...

Несколько нервных сигаретных затяжек.

Официант принес наш латте, и Виктория автоматически отпила из поставленного рядом с ней высокого бокала, скорей всего, даже не поняв, что пьет. Ее ледяные голубые глаза отрешенно смотрели куда-то поверх голов посетителей, сидевших в кафе за соседними столиками – куда-то далеко, словно возвращаясь в то утро, о котором она теперь мне рассказывала.

– Естественно, тут же вызвали полицию, место оцепили. Я рассказываю вам как профессионалу: тело лежало в центре зеленой клумбы, причина смерти – удары по голове твердым продолговатым предметом, как чуть позже выяснилось – антикварной вещью, медным мечом, который обнаружился рядом, чуть в стороне, рядом со спящим бомжем. Тут же, на обочине газона, стоял и «Форд» Марго – надо отметить, моя

сноха была просто виртуозным водилой, садясь за руль, она словно сливалась с машиной. А уж свой «Форд» она просто обожала, называла его Федей и разговаривала, как с лучшим другом. Мой сын Павел как-то со смехом сказал мне, что даже немного ревнует Марго к этому самому Феде.

Еще несколько затяжек.

– Так вот, возвращаясь к сухому протоколу, который я подробно изучила в следственном отделе полиции... Дверца «Форда» была распахнута, но внутри не было ничего необычного. Вот только две мобилы Марго бесследно исчезли, в то время как ее портмоне с карточками и наличными плюс бутылка водки «Серебряная» (а надо отметить, что именно эта водка была любимой маркой Марго, другого спиртного она не признавала) – все это обнаружилось у того же бомжа, который мирно дрых себе тут же, недалеко, под козырьком черного хода общежития.

Бомж был пьян (выпил половину бутылки «Серебряной») и ничего вразумительного сказать не мог. Но наша бравая полиция, дабы не забивать себе голову лишними проблемами, лихо завершила дело. По их версии, убийцей Марго стал именно он. Увидел подъехавший к общежитию дорогой автомобиль, увидел женщину, которая вылезла из него, замерев перед общежитием, где прошла ее юность... Бомж тут же подошел к ней, богатой и благополучной, попросил прикурить или денег на вино. А она послала его куда подальше. Вот он и разозлился, схватил старинный меч, который,

как полиция все-таки сумела разузнать, Марго накануне купила в антикварном магазине, да и огрел гордычку по голове. Захапал ее кошель и водочку, дорожную зажигалку, духи от «Gucci» и пачку сигарет, а когда сделал парочку глотков водки, у него проснулось воображение, и он уложил погибшую красиво: и ручки в стороны, и цветок, который, скорее всего, также находился в машине, на грудь. Потом выпил половину бутылки хорошей водки и отключился. Вот и все. Как вам такой славный сюжет для индийского фильма?

Сказать по правде, версия эта не стоила выеденного яйца: ежу понятно, что никакой бомж не будет размахивать антикварным мечом, а угрохав мадам, не станет присваивать ее дорожные зажигалки да духи!

Но, признаться, когда Виктория произнесла последние слова и перевела на меня взгляд своих глаз... У-у-ухх! Меня словно ведром ледяной воды окатили. Взгляд Снежной королевы. Или Фемиды – ведь никто не знает, что за взгляд прячется под знаменитой повязкой? А вот я, грешная, ощутив на себе взгляд Виктории, пришла к выводу, что именно таким он должен быть у богини правосудия – ледяным, пронизывающим тебя насквозь, до самых печенок... Если ты виновен – запросто упадешь перед ней готовым трупом.

И еще один интересный момент, который я тут же взяла на заметку: Виктория – настоящий преподаватель, который привык, что все безропотно слушают лишь его, и заранее предугадывает все возможные реплики и вопросы ауди-

тории. С самого начала я не произнесла и двух слов: только я открывала рот, чтобы что-то спросить, как моя собеседница менторским тоном отвечала на еще не заданный вопрос, словно читая мои мысли.

– Думаю, вы полностью со мной согласны: следствие закрыто, виновный найден и скоро предстанет перед судом. При этом полиция легко закрыла глаза на многие серьезные факты и нестыковки.

Первое – на месте, где лежал труп, обнаружено слишком мало следов крови. Я лично переговорила с экспертом, и он нехотя, но признал, что Марго, скорее всего, убили где-то в другом месте. И он тут же озвучил мне официальную версию: убийство, видимо, произошло где-то в другом месте, но неподалеку, после чего бомж перетащил труп в центр газона.

Виктория нервно затушила свой окурок в пепельнице и усмехнулась – горько, словно все ей давно опротивело.

– На мой взгляд, как выражается один из моих студентов, все это чистая липа, а мне просто необходимо знать имя настоящего убийцы.

Глава 3

Солнечный проспект, наводненный беспечными людьми, переполненное кафе, гудевшее от радостных голосов, и мы с Викторией, еще каких-то несколько часов назад понятия не имевшие друг о друге, теперь сидели в молчании, слыша, как оглушительно стучат колеса времени.

Произнеся последнюю фразу внезапно дрогнувшим голосом – «Мне просто необходимо знать имя настоящего убийцы», – Виктория с силой сжала губы. Даю голову на отсечение: эта сильная уверенная женщина неожиданно для самой себя едва не разрыдалась – быть может, впервые за все дни после смерти снохи.

Мы с ней одновременно закурили по новой сигарете и с минуту помолчали. Наконец, она вновь взяла себя в руки и даже попыталась улыбнуться, продолжив монолог сухим деловым тоном:

– Я повторюсь: мне необходимо знать имя настоящего убийцы Марго. Знаете почему? Потому что с первого дня Марго стала для меня родной. Понимаете, как родная дочь. Говорят, матери обычно ревнуют единственного сына к его избраннице. У меня все было не так.

На какое-то мгновение взгляд ее ледяных глаз потеплел.

– Я очень люблю своего сына, Павла, Павлушку. Он немногословный мальчик, очень добрый и трудолюбивый.

Но когда в его жизни появилась Марго, мы влюбились в нее одновременно! Она была такая... шумная! Очень веселая, жизнерадостная, виртуозно владела словом и так шутила, что все вокруг буквально умирали со смеху! Каждый, кто ее видел, тут же начинал улыбаться, и все проблемы, если они были, моментально исчезали. Да, у Марго был дар божий дарить людям радость одной своей улыбкой. Вот почему для меня так важно, чтобы наказание понес настоящий виновник. Вы меня понимаете?

– Понимаю.

О, господи, наконец-то мне удалось вставить слово! Я поспешила этим воспользоваться, пока Виктория вновь не закусила удила.

– Виктория, вы рассказали мне о трагедии с точки зрения полиции и простых любопытных. Расскажите теперь, как все выглядело в ваших глазах. Вы сами когда и при каких обстоятельствах видели Марго последний раз?

Виктория довольно долго молчала, словно преподавателю университета пришлось не по душе то, что некто столь бесцеремонно его прервал да еще смеет задавать свои собственные вопросы.

Впрочем, она вовремя вспомнила, что сама обратилась ко мне с просьбой взяться за это дело.

– Сейчас июнь, горячий период – идет сессия, кроме того, грядут вступительные экзамены, я лично веду несколько подготовительных групп... Словом, из-за всего этого я дав-

но не видела сына и его жену. Пойдите, когда же мы встречались последний раз?

Виктория слегка нахмурилась, словно перебирая в уме все дни, даты, события последнего месяца.

– Пожалуй, последний раз это было на Девятое мая – и праздник Победы, и день рождения Павла.

Ее лицо на мгновение просветлело.

– Точно! Девятого мая. Мы решили, что, поскольку день рождения рядовой – Павлу исполнилось тридцать четыре года, – мы не будем заказывать ресторан, а попросту посидим у них дома. Марго заказала пиццу и салаты в ближайшем кафе – признаться, по части кулинарии она не была асом. Впрочем, как и я – так что, сами видите, мы с ней сошлись буквально во всем... Так вот, мы неплохо посидели: смотрели детские фотографии Павла, вспоминали в очередной раз историю их с Марго знакомства – первые взгляды, слова, улыбки. Понимаете, Павел и Марго были практически уникальной парой, потому что, и прожив вместе семь лет, они любили друг друга так, словно познакомились только вчера.

– А вам не показалось, что Марго чем-то озабочена, удручена? Все было, как в любой другой день?

– Стопроцентно, как обычно! Марго была веселой, обаятельной, очаровательной – как всегда.

Виктория посмотрела на меня как на бестолкового студента и даже с легкой укоризненной улыбкой покачала головой:

– Будь по-другому, я первым делом рассказала бы вам об этом. Но в том-то и беда, что смерть Марго случилась при абсолютно благополучных обстоятельствах – ничто не предвещало трагедии.

Тут она резко посмотрела на часы на своем запястье.

– Извиняюсь, Татьяна, но я очень ограничена во времени. Скажите, вы беретесь за это дело?

Ну, разумеется, она и тут пыталась диктовать мне свои условия. Не на ту напали, уважаемая!

– Я возьмусь за ваше дело. Поэтому вношу предложение: давайте вы все-таки немного задержитесь, чтобы мы сразу расставили все точки над «і». Итак, для начала я предлагаю рассмотреть всех участников драмы. Марго – ее возраст, профессия? То же самое – о вашем сыне, друзьях и соседях. И такой вопрос: а вы сами кого-нибудь подозреваете?

Бледно-голубые задумчивые глаза в очередной раз заставил меня вздрогнуть, и я поспешила прикурить, посмотрев на вспыхнувший огонь зажигалки, отведя взгляд от этих ледяных глаз.

– С вашего позволения, я сразу отвечу на последний вопрос, – Вероника небрежно махнула рукой. – Ответы на ваши вопросы насчет возраста, профессии и прочего я заранее подготовила...

Тут она нагнулась и вынула из своей плетеной сумки объемистую папку, протянув ее мне.

– Я заранее подготовила для вас это досье, там есть, по-

жалуй, все, что я знаю об этом деле и его персонажах.

Она несколько секунд изучающе наблюдала за мной – как я открыла папку и пролистала несколько отпечатанных листов с образцовыми досье: ФИО, возраст, образование, профессия...

– А теперь о том, кого я подозреваю... На самом деле это непростой вопрос. Павел и Марго жили душа в душу. Не было никаких ссор, измен и прочей ерунды. Но, с другой стороны, все эти дни я постоянно думаю и задаю себе простой, банальный вопрос: кто мог убить Марго? Кто? Кому это выгодно или попросту могло бы согреть душу? Единственный вариант, который приходит в голову, это некто, связанный с работой Марго, с ее статьями. К примеру, та самая ведьма!..

Пока она прикуривала очередную сигарету, я поспешила уточнить:

– Ведьма – в смысле стервозная женщина?

– Нет, ведьма – в смысле настоящая ведьма, – Виктория тут же покачала головой. – Что я говорю – не настоящая ведьма, в том смысле, что и тут дар нужен! Ведьма по профессии, если так можно выразиться. Из тех, что публикуют объявления в духе «сниму порчу, предскажу будущее, наколкую удачу» и прочее, и прочее...

– А на самом деле...

– А на самом деле это классическая шарлатанка, из тех, что слово в слово повторяют свои «пророчества» каждому новому клиенту... Так вот, Марго где-то месяц назад напи-

сала статью о подобных ведьмах и в качестве конкретного примера привела эту самую Стефанию...

– Извиняюсь, но я вынуждена вас прервать, – настойчиво встряла я. – Хотела бы уточнить: ваша сноха писала статьи? Для конкретного журнала или газеты?

– Все это вы прочтете в моем досье, – похлопала рукой по папке Виктория, недовольная тем, что ее прервали. – Пока же скажу, что Марго была журналистом, работала в издании о сверхъестественном под названием «Оно» – наверняка оно не раз попадалось вам на глаза...

– Я извиняюсь еще раз, но мне надо уточнить еще кое-что, – я решительно посмотрела на мадам Фемиду. – Вы говорите, что Марго была журналистом. Тогда почему полиция решила, что она «заностальгировала», приехав под окна общежития, где прошла ее юность. Ведь общежитие по улице Цветочной...

– Это общежитие театрального института, – закончила за меня Виктория своим менторским тоном. – Да, это действительно следует объяснить, в досье я, кажется, упустила данный нюанс.

На несколько секунд она задумчиво нахмурилась и тут же улыбнулась неожиданно тепло и мечтательно.

– Вы знаете, наверное, каждая вторая девочка в детстве мечтает стать актрисой. Не избежала этого и наша милая Марго, тем более что она ведь была настоящей красавицей – синеглазая брюнетка с внешностью Элизабет Тейлор... И вот

она без особого труда поступила в театральный институт, а проучившись два года, бросила его... Потому что открыла для себя журналистику. У нее был поистине дар слова. Никто так, как она, не мог живо и увлекательно написать заметку или статью, а то и целое эссе. Причем у меня такое впечатление, что она могла написать великолепнейшую статью на любую, самую скучную и неинтересную тему!

Собственно, мы познакомились с ней, когда она училась на журфаке нашего университета – я преподавала у них русский язык и литературу. Однажды Марго вместе со своими однокурсниками пришла ко мне домой, чтобы поздравить с Восьмым марта. Она только взглянула на моего сына... И они влюбились друг в друга на всю оставшуюся жизнь! Павел попросту утонул в ее бездонных глазах. Они встречались примерно полгода, а потом сыграли скромную студенческую свадьбу. С тех пор они вместе... Были вместе.

И вновь в одно мгновение ее голубые глаза заledenели. Несколько минут она задумчиво смотрела на проходящих мимо террасы кафе людей и вдруг решительно повернулась ко мне.

– Итак, я правильно поняла: вы беретесь за это дело?

Признаюсь, я в очередной раз едва дар речи не потеряла от этого ледящего душу взгляда, поэтому только кивнула.

Виктория тут же жестом подозвала официанта и попросила счет. Заплатив положенное, она вновь посмотрела на меня.

– Отлично. Размер вашего гонорара мне известен. Могу сказать лишь, что я удваиваю его. Я заплачу, как только услышу имя и конкретные доказательства. В досье, – тут она кивнула в направлении папки, – есть номера моих телефонов, а также номер домашнего телефона моего сына Павла. Разумеется, я ввела его в курс дела. Он ничего не имеет против. Итак, успеха вам! Я хотела бы каждый вечер получать своего рода отчет о том, что удалось узнать. Как знать, быть может, какой-нибудь банальный факт, который ничего не даст вам, мне откроет глаза... Удачи!

Расплатившись с официантом и договорив последнюю фразу, она решительно поднялась, кивнула и зацокала каблуками в направлении парка. Все правильно: учитель преподавал урок, ему пора уходить, не слушая, о чем там бубнят его ученики.

А между тем я собиралась произнести ответную тираду о том, что у частного детектива Татьяны Ивановой есть свои правила и обычаи, которые она совершенно не собирается нарушать ради кого бы то ни было, а именно: вряд ли я буду отзваниваться Виктории каждый божий день, дабы дать полный отчет о проделанной работе. Это я хотела сказать, но к моменту произнесения, повторяюсь, мой потенциальный слушатель уже удалился от меня. Что же – ей хуже, потому как вечерних звонков от меня она не дожидается.

Я допила латте, взяла достаточно увесистую папку с досье

и отправилась до дому до хаты. Что ни говори, а заказчица сумела все обставить так, что мне уже и самой хотелось как можно скорее ознакомиться со всеми деталями этого дела и побыстрее докопаться до истины.

Глава 4

С тех пор как одна из моих многочисленных теток подарила мне на очередной день рождения совершенно роскошное плюшевое кресло цвета кофе со сливками, а я немедленно установила его у окна на кухне, это место стало одним из моих любимейших в доме: кухня и кофейное кресло...

Второе любимое место – уютный уголок на балконе: шезлонг со столиком плюс старый диван; в утренние часы я там редко появляюсь, потому как до обеда весь балкон залит солнцем, от ослепительных лучей которого никуда не спрячешься и, если передо мной не стоит задача обеспечить себе бронзовый загар, мое утреннее место для кофепития – кухня.

Когда я вернулась домой, часы показывали десять с копейками. Чтобы жизнь вновь заиграла всеми цветами радуги, первым делом, едва скинув босоножки в прихожей, я отправилась на кухню и поставила на плиту очередную порцию кофе, на этот раз выбрав марокканский сорт Мокко средней обжарки.

Пока кофейная шапка медленно поднималась, «дышала», потихоньку лопаясь и выпуская наружу светлую пенку, я мигом переоделась в домашние шортики и майку, заколола волосы на макушке и как раз подоспела к триумфальному извержению кофейной лавы. Наполнив свою любимую чашку,

я с удовольствием плюхнулась в кресло и сделала осторожный первый глоток.

Кстати сказать, это тоже моя своего рода добрая старая традиция: первую чашечку кофе я стараюсь ничем не нагружать – ни размышлениями и обсуждениями планов на день, ни обмозговыванием деталей очередного дела. Я просто наслаждаюсь прекрасным моментом: я, дивная фемина, сижу в дивном кресле в дивной кухне и пью дивный напиток. Жизнь прекрасна и удивительна! Чин-чин, как говорят итальянцы, чокаясь бокалами.

Итак, первую чашечку я выпила легко и бездумно, получив массу удовольствия от солнечного луча, падающего в окно, от внезапно зашелестевшего за окном теплого слепого дождя. Я налила вторую чашку и вот тут уже достала досье Снежной королевы или Виктории. Пора было браться за дело!

Я прочла все досье ровно за двадцать три минуты. Надо отдать должное Виктории: это был сжатый, сдержанный, но совершенно полный отчет о ее дорогой снохе по имени Маргарита Петровна Трубникова, в девичестве Слижень, и обо всех персонажах, так или иначе имеющих отношение к делу, в том числе и о собственном сыне заказчицы – владельце ночного клуба Павле Трубникове.

Итак, начиналось досье с представления погибшей. Двадцать семь лет, сирота, родом из Самары. Окончив шко-

ду-интернат, она приехала в Тарасов и поступила в театральный институт на актерский факультет. Проучилась только два курса, бросила и тут же поступила на журфак университета, по окончании которого начала работать сначала в главной городской газете – «Новости Тарасова».

Через год успешной работы Марго перешла работать в журнал эзотерики, магии и паранормальных явлений «Оно». Здесь она немедленно стала ведущим журналистом, чьи статьи всегда шли на передовице.

Виктория подклеила в досье парочку статей, в том числе и блестяще-ехидную сатиру на псевдоведьм, где главной героиней выступала упомянутая в нашем разговоре Стефания. Марго в духе доброго старого анекдота описала свой визит, эффектные позы Стефании, то хватавшейся обеими руками за лоб, в котором, по всей видимости, теснились жуткие образы и свистели ужасные голоса, то откидывалась на спинку стула и требовала дополнительной оплаты «за скорейшее снятие порчи».

Сюда же были подклеены копии полицейских документов: заключение о смерти патологоанатома латинскими мудреными названиями, обозначающими простой факт: Марго была убита двумя ударами меча по голове, и смерть наступила мгновенно; список всех обнаруженных на месте предметов, в том числе и тех, которые благополучно перешли в богатую «коллекцию» бомжа, а также фотография одного – спящий дедок без возраста с бутылкой водки «Серебряная»

в руках и небрежно торчащими из кармана пиджачка браслетами и духами.

Особое место среди копий занимал отчет следователя отделения полиции юго-восточного округа Тарасова: подробно было описано как, при каких обстоятельствах обнаружено тело, с благополучным выводом, что, «судя по всем вышеперечисленным обстоятельствам, жертва была убита лицом без определенного места жительства и без документов, которого все называют Волёдей и который, давно потеряв нормальный человеческий облик, тут же и отключился, не задумываясь о последствиях своего ужасного поступка».

Сюда же прилагались полицейские фотографии с места происшествия. Как и рассказывала мне Виктория, картина действительно оказалась... хм-хм-хм... не совсем обычной. Изумрудная зелень газона, и на ней – золотисто-смуглая фигурка красавицы Марго в мини-платье черного цвета. Ноги эффектно вытянуты и скрещены, руки широко раскинуты, по единственному романтическому выражению Виктории, «словно она хочет обнять небо». Живописно разметавшиеся по траве темные волосы, алая роза на бездыханной груди...

Досье содержало также копии полицейских протоколов допроса, благодаря которым общая картина преступления выглядела следующим образом. В последний день своей жизни, по показаниям лучшей подруги покойной Инги Пушкайте, Марго после двух часов пополудни провела часик в

курилке родного журнала, посплетничала с подругой о моде-жизни-ценах-нарядах, а потом отправилась, по ее словам, работать над статьей о глюках наркоманов. Как удалось выяснить полицейским, статья никоим образом не касалась криминала, связанного с наркотиками: Марго лишь пару раз побеседовала по душам со старым наркоманом, который живописал ей разнообразные галлюцинации.

На вопрос следователя, не знает ли Инга что-нибудь о старинном медном мече, последняя сообщила, что этот меч Марго купила недавно в антикварном магазине, расположенном на улице Купеческой, польстившись на его древность: по мнению специалистов, меч был отлит в 1721 году.

Больше никаких сведений о Марго полиции добыть не удалось: где она была, чем занималась, почему оказалась под окнами некогда родной общаги – все это так и осталось тайной за семью печатями.

Муж Павел, который по роду своей деятельности ведет ночной образ жизни, сообщил, что накануне, восемнадцатого июня, прибыл домой как обычно, ровно в семь ноль-ноль, но чмокнуть спящую супругу не смог – ее не было дома, о чем она ему заранее и сообщила по телефону: она отправилась к друзьям на дачу. Поэтому Павел совершенно не волновался, попросту завалившись спать. Проснулся он в два часа пополудни – Марго была дома, заскочила на обед. Они вместе пообедали, поболтали обо всем и ни о чем конкретно и разбежались каждый по своим делам.

Павел выехал из дома в половине четвертого, а супруга ушла раньше, что было абсолютно нормальным: шел рабочий день, она могла отправиться на интервью или на сбор материала или попросту сидеть в редакции.

У Павла в тот день было множество дел, связанных с подготовкой и апробированием новой джаз-программы, поэтому он немедленно отправился в клуб, тут же с головой уйдя в дела. Вернулся он домой утром, как обычно, в семь часов, и был неприятно удивлен тем, что супруги не было, а кровать стояла нетронутой. Как правило, если Марго уезжала к друзьям, то заранее ставила мужа об этом в известность, а тут, впервые за всю совместную жизнь Трубниковых, поутру ее не было дома, и Павел понятия не имел, где находится его жена.

Павел пару раз пытался дозвониться, но в ответ слышал одно и то же: абонент недоступен. Он позвонил матери, ничего нового и обнадеживающего не услышал и лег спать, так как очень устал и буквально валился с ног. Его разбудили через некоторое время, ближе к девяти, с ужасным известием о смерти супруги.

У всех мало-мальски знакомых Марго реального алиби не было: все, по их словам, мирно спали дома, но подтвердить данный факт при отсутствии у большинства вторых половинок никто не мог. Да в этом и не было необходимости: сто лет немытый бомж армянского происхождения Волёдя (произносить с армянским акцентом!) вполне устроил всех (кроме

суровой Виктории) в качестве отчаянного убийцы. Он треснул сытую и холеную шальную бабешку по башечке, хапнул ее дорожные водочку, сигареты, духи, бумажник, украшения (в том числе платиновый браслет) да и уснул тут же, не отходя от кассы. Берите, пользуйтесь! Убивец в готовом виде.

Следующим разделом солидного досье Виктории был полный список всех работников журнала «Оно» с краткими характеристиками – всего пять человек помимо самой Марго.

Главный редактор Александр Александрович Иванищев (между собой журналисты называют его Сан Санычем): пятьдесят четыре года, журналист со стажем работы в прессе два года. Все остальные годы жизни Александр Александрович достойно трудился налоговым инспектором.

Анна Ильинична Стрекоза: редактор, тридцать четыре года, профессиональный журналист со стажем работы в прессе и на Тарасовском телевидении двенадцать лет.

Инга Марковна Пушкайте: журналист и лучшая подруга Марго, двадцать пять лет, окончила журфак университета (училась в одной группе с Марго, там они и подружились), в тарасовской прессе трудится с восемнадцати лет, еще со времен своей учебы.

Петр Иванович Наконечников: фотограф, сорок два года, окончил операторский факультет Всероссийского институ-

та кинематографии в Москве, двадцать лет отдал Тарасовской студии кинохроники, а с момента образования журнала «Оно», то бишь последние два года, трудится в издательском бизнесе.

Денис Пискунов – восемнадцатилетний студент университета, талантливый малый, успешно совмещает труд журналиста и программиста, обслуживая всю компьютерную сеть журнала.

Это, так сказать, творческий состав редакции. К списку были также приложены данные на корректора Аллу Кузьминичну Сацкову, пенсионерку, бывшую учительницу, и на бухгалтера Наталью Семеновну Карпунову. Этих персонажей, судя по всему, Виктория не относила к профессиональному кругу общения своей снохи, ограничившись лишь самым минимумом информации о них.

Более подробно она остановилась на секретаре шефа – двадцатилетней Аняте Цветковой, описав ее как на редкость глупую особу, живо интересующуюся «подпольной» жизнью редакционного коллектива и смело добывающую сведения с помощью подслушивания, подсматривания и бесстыдной привычки проверять чужие столы и сумочки.

Весьма любопытную характеристику Виктория дала практически каждому персонажу, особо остановившись на том, как каждый из них относился конкретно к Марго.

Главный редактор – «сухарь и молчун», полный дуб в литературе и журналистике, был тайно влюблен в Марго. Как

выяснила, по словам Виктории, сама Марго, он тайком собирал ее фотографии с совместных гулянок и вечеринок, складывая их в специальный конверт, который хранил в своем рабочем столе. А сделала сноха Виктории это открытие с помощью секретарши шефа Анютки и ее «бесстыдных привычек».

Анна Стрекоза, по суровому мнению Виктории, недолюбливала Марго, отчаянно завидуя ее таланту и красоте, а потому последней каждый раз приходилось отстаивать свой вариант статьи – завистливая редакторша всегда пыталась все перекроить, сделать «плоским и бездарным».

Инга, как было отмечено в досье, была лучшей подругой Марго еще со времен учебы в университете, она часто бывала в гостях у Марго и Павла: «Очень милая и скромная девушка, но в журналистике – без искры божьей».

Фотограф Наконечников, судя по краткому резюме Виктории, был абсолютно равнодушен ко всему на свете, кроме своей фотокамеры, с которой и жил в любви и гармонии в своей холостяцкой квартире все сорок два года жизни; ну, а молодой продвинутый парнишка Денис и вовсе не участвовал в дразгках и интригах редакционного коллектива, так как учился и дружил с серьезной девушкой.

Заключительной частью досье была характеристика Павла Трубникова. Признаться, читая сие эссе, я в очередной раз восхитилась холодным, если не сказать хрустальным умом

Виктории. Собственного сына она препарировала, как, прошу прощения, труп в анатомическом театре.

«Павел Николаевич Трубников: тридцать четыре года, окончил физико-математический факультет университета, ныне – владелец ночного клуба «Rendez-vous» (Шелковичная улица, 4); с Маргаритой познакомился во время учебы в университете и уже через полгода женился». В нынешнем году Трубниковы готовились отметить медную свадьбу – семь лет брака.

Всю жизнь для Павла «не существовало других женщин кроме жены». Как говорится, в порочащих связях замечен не был.

Вершиной творчества Снежной королевы можно считать последний документ семейного досье, объясняющий отсутствие у пары детей: медицинская справка сложным научным языком сообщала, что детей не может быть по причине бесплодия трудяги и честного парня Павла.

Дочитав этот документ, я от души посочувствовала бедолаге Павлу, и мне тут же захотелось выпить чего-нибудь покрепче кофе, особенно учитывая последствия вчерашнего беззаботного винопития, которые до сих пор время от времени все-таки слабо требовали продолжить веселье.

Я прогулялась к домашнему мини-бару и налила себе рюмочку коньяка, вновь уютно устроившись в своем волшебном кресле. Моя рука тут же сама потянулась к последней фотографии Марго: великолепное тело на изумрудном фо-

не – было в этом снимке нечто притягательное, хотя, если честно, я никогда не любила фотографии мертвых, каждый раз избегая смотреть на них.

Интересно: кто «автор» этого, можно сказать, шедевра? Мертвая красавица с увядшей розой на груди... Б-р-р-р! И все-таки, как ни устрашает каждый раз картина смерти, в данном случае было такое впечатление, что здесь вдохновенно «поработал» дизайнер не без таланта.

Я аккуратно убрала полицейские фотографии назад, в объемное досье Виктории, и налила себе для успокоения нервов еще одну рюмочку коньяка – так сказать, «за нас с вами».

Несколько минут я сидела, невольно погрузившись в собственные богатые воспоминания о юности мятежной. Моей самой «долгоиграющей» love-story была история с одним красавцем, бравым прокурором. Я попыталась представить себе, как бы он мог «оформить» меня, извиняюсь за жуткий черный юмор. Эффектная блондинка – это я, к вашему сведению, – тонкая и звонкая, с какой-нибудь орхидеей в одной руке и чашечкой кофе в другой... В любимом кресле, точно! Нога на ногу, в мини-платье бирюзового цвета, мертвая и прекрасная...

Все, довольно мрачных импровизаций! Я поднялась и поставила пустую рюмку на стол. Голова была практически в норме, и я для проверки осторожно ею тряхнула. «Вперед, гасконец! Нас ждут великие дела!»

Для начала я решила отправиться к месту преступления – обще театрального вуза, чтобы увидеть место трагедии собственными глазами и по возможности побеседовать с населением. А заодно посетить небезызвестную ведьму Стефанию, которая, как оказалось, жила буквально в двух шагах от общежития.

Глава 5

Общежитие радовало глаз яркими летними красками: стройная и легкая семиэтажка тянулась к синему небу своими розоватыми стенами, газончик перед ней был покрыт ровной изумрудной зеленью – ни единого намека на недавно разыгравшуюся здесь трагедию.

Каждое второе окно общаги было широко распахнуто, там и тут виднелись юные лица будущих актеров и режиссеров. Интересно, какая из будущих Мурлин Мурло, выглянув рано утром в окно, увидела мертвую красавицу?

Я прошла вдоль общаги и, заметив козырек черного хода, решила взглянуть на «хоромы» убийцы Волёди. Здесь при ближайшем рассмотрении обнаружился трухлявый диван, покрытый знававшим лучшие времена тряпьем, источающим потрясающие ароматы.

– Интересуетесь?

Признаюсь как на духу, этот вопрос и голос задававшего его невольно заставили меня вздрогнуть. Я обернулась и увидела прямо перед собой сутулого хмыря с лихо блеснувшим во время ухмылки золотым зубом. Мужичок без определенного возраста и явно без определенного занятия, личность, находящаяся в вечном поиске душеспасительной влаги, – водки, портвейна или попросту самогона. Сейчас этот тип явно увидел во мне реальную возможность «освежить-

ся».

– И чем же это я тут, по-вашему, интересуюсь?

Я постаралась говорить сухо и холодно, невольно симитировав интонации и мимику Виктории.

– Ясно чем, – ничуть не смутился тип. – Местом преступления. Вы и сами знаете – тут недавно роскошную телку завалили, аккурат посередине газона и лежала. А вы ведь журналога, так?

Я только с легким презрением передернула плечами: терпеть ненавижу выражения типа «роскошная телка».

– Ну, вроде того. Но, сказать по правде, ничего более-менее интересного я тут не нашла.

– Да потому что самого интересно тут уже нет. Волёдя!

Он со смаком произнес это имя с нужным акцентом и даже прищелкнул пальцами, словно демонстрируя некий фокус.

– Тот самый Волёдя, который, по мнению нашей бравой ментуры, грохнул эту дамочку. В чем лично я сомневаюсь.

– Да что вы говорите? Значит, сомневаетесь? – удивленно округлила я бровки. – И почему же?

– Дайте сотенку, и выложу все, как на исповеди! – в очередной раз оскалился тип и даже протянул руку небрежным жестом – то ли просит милостыню, то ли приглашает меня на танец.

Я только хмыкнула и менторским жестом подняла вверх указательный палец с безупречным маникюром.

– Сотенка мне и самой пригодится, а про Волёдю – тут и коню понятно, что бедолага чист, как ангел: убили дамочку, скорей всего, где-нибудь в другом месте, уж слишком мало было крови...

– Ах-ах-ах, какие мы умные! – недовольно нахмурился мой собеседник и мрачно убрал руку назад, в карман джинсов. – Ну и гуляйте себе, а я тогда не расскажу вам про мужичка, который подъезжал сюда часика в два ночи.

Ах, хитрец, знает, как вытянуть свою сотенку! Я вздохнула и достала «волшебную палочку» из сумки.

– Держи, брат. И что же это был за мужик?

«Брат» в одно мгновение несказанно оживился и засиял жизнерадостной и жизнеутверждающей улыбкой.

– А, молодой парень, на шикарной тачке. Я тут по соседству живу, вон в том доме, на пятом этаже, – он показал пальцем на одну из пятиэтажек, выстроившихся вдоль улицы. – Дни сейчас жаркие, так что у меня и моих друганов вся жизнь только ночью и начинается. А в ту самую ночь у нас были и деньги, и повод: у Васьки лысого мать умерла. Собрались у меня, помянули матушку, потом споры пошли – политика, футбол, лучшие самогонщики района... В какой-то момент я вышел на балкон покурить и увидел классную светлую тачку, ну совершенно шикарную, которая лихо разворачивалась около общаги...

Тут мой великолепный собеседник не без вдохновения взмахнул рукой и бросил выразительный взгляд на мою су-

мочку:

– Извиняюсь, а сигареткой не угостите?

Что же, ради таких интересных «показаний» пришлось доставать свою пачку «Vougue» и угощать.

При виде длинной тонкой – дамской! – сигареты бедняга поморщился с самым несчастным видом.

– Что толку такие курить – и вкуса табака не почувешь!

Он лихо отломил фильтр, прикурил, пару раз глубоко затянулся и продолжил свой рассказ:

– О чем это я?.. Ах, да! Так вот, значит, подлетает такая роскошная тачка. Развернулась, остановилась. И тут началось! Из тачки выскакивает парень, бросается куда-то в темноту, почти сразу возвращается, машет руками, даже что-то выкрикивает пару раз, потом бросается за руль и – пауза, скушай «Твикс»! Тишина! Совершенно безмолвная, неподвижная машина. Я еще подумал: неужели братан так сса... Извиняюсь, писать захотел, что этот вираж сделал? А как нужду справил, так от радости поорал, кинулся в свою тачку и – на бочок. Когда чуть позже я снова вышел на балкон покурить, этого авто уже не было. Ну а потом, с утра, когда все стали обсуждать бабу, которая, оказывается, тут лежала, я припомнил свои ночные «сериалы» и сразу все увидел в другом свете: выходит, парень прилетел, увидел мертвую бабу и... Ну, и по всему видать, поплохело ему. Полежал в своей тачке, сил поднабрался да уехал. А, может, он ее и грохнул – говорю: сначала-то он на кого-то орал, руками махал.

Как знать, как знать – мы люди простые, можем только предполагать...

Эту информацию стоило обдумать отдельно. Я поблагодарила типа за помощь отечественной журналистике, попыталась уточнить марку («Да черт ее знает!») и цвет («Говорю – светлый!») роскошной тачки и повернула к центральному входу в общежитие. Не лишним было познакомиться и побеседовать с местным населением.

Глава 6

На вахте общежития сидела грузная бабуля в круглых очках и с пучком на затылке – вылитая мисс Марпл российского разлива. При виде меня она тут же подалась вперед и заговорила высоким пронзительным голосом:

– Вы к кому? Документ оставляйте!

Я мило улыбнулась ей и сунула под самый нос свой документ: удостоверение частного детектива.

– Добрый день! Я – частный детектив Татьяна Иванова. Мне хотелось бы побеседовать с теми ребятами, которые первыми обнаружили труп Маргариты Трубниковой под окнами этого здания. Вы не могли бы дать мне номера их апартаментов или, если вам так удобнее, вызвать их сюда?

Что ни говори, а официальный тон, солидное удостоверение плюс мой безупречный внешний вид всегда производят впечатление на простых советских граждан.

Бабулька тут же вся подобралась, словно прямо сейчас вытянется по стойке «Смирно!» и вякнет нечто в духе «Служу Советскому Союзу!».

– Ой, сколько шуму-гаму тут было, вы и не представляете! – с восторгом пропела она, прижав обе ладони к груди. – Тогда как раз Лия Соломоновна тут дежурила в ночь, а я подошла аккурат в шесть сорок пять. Тут был настоящий ад: трясущиеся от ужаса студенты в шортиках и маечках, поли-

ция, криминалисты, эксперты – Господи, да кого тут только не было! Ну чисто как в кино – будто попала на съемки детективного сериала!

Глаза добровольной рассказчицы горели от возбуждения. Казалось – разреши ей, и она никогда не замолчит, будет делиться впечатлениями до следующего утра, когда ее придет сменить упомянутая Лия Соломоновна.

Необходимо было как можно решительнее вмешаться, дабы прекратить бессмысленное словоизвержение и повернуть беседу в нужное русло.

– Минуточку! – я ласково улыбнулась, предупреждая подняв руку. – Позвольте мне напомнить вам свою просьбу насчет непосредственных свидетелей. В первую очередь меня интересует девушка...

– Так нет их никого! – все с тем же восторгом перебила меня бабуля. – Разъехались они на каникулы, по деревням и весям. Тем более труп-то обнаружила Долорес, которая из Мексики! Мы меж собой, дуры старые, их мексиканским сериалом называем. Весело живут, вы и не представляете! Каждый день пьянки-гулянки, музыка на все семь этажей и – любовь, амор до гроба, а точнее – до следующего дня, когда в другого влюбятся! Долорес-то у нас настоящая красавица, так у нее каждая ночь – как новая серия, и каждый раз она нет-нет – а прибежит сюда, на вахту, да нам, как бабулькам родным, про очередную свою амор рассказывает!

Бабулька, в восторге от собственного рассказа, весело рас-

хохоталась, сотрясаясь всем своим необъятным телом.

– Так значит, Долорес уехала? – констатировала я очевидный факт, подготавливая себе путь к отступлению.

– Так я и говорю: она почти тут же укатила домой, – моя мисс Марпл с удовлетворенным видом поправила очки. – Сейчас все общежитие, милая моя, забито до отказа абитуриентами – теми, кто пока еще только мечтает кинозвездами великими стать. К вступительным готовятся! Весело тут по ночам, девонька!..

Итак, выходит, со студентами-свидетелями мы пролетели.

– С этим все ясно. А как насчет вашей коллеги – как ее там, Лия...

– Лиечка! – бабулька вновь восторженно закивала. – Лия Соломоновна, но мы-то с ней по-свойски. Да на что она вам – она ничего не видела, не слышала, хотя и ее полицаи пытались допросить. А у Лиечки нашей ответ короткий: я вокруг общежития по ночам не шляюсь, моя работа – на вахте сидеть, не зевать! Вот и весь сказ – поверьте мне на слово, и вам Лиечка то же самое повторит.

Сказать по правде, после пяти минут общения с этой активной женщиной у меня уже начинала помаленьку трещать голова. Потому я только торопливо поблагодарила ее за исчерпывающую информацию и направилась к выходу. Пора было нанести визит ведьме Стефании.

Глава 7

Для Стефании я придумала простую историю: я – подруга недавно погибшей девушки, в смерти которой много таинственного. И вот я, с расширенными от мистического ожидания глазками, прижав ручки к груди, прошу знаменитую ведьму малость помедитировать и дать мне ответ на вопрос: что случилось с моей подругой? Кто ее убил? Почему она лежала под окнами с розой на груди?..

Признаюсь откровенно: как только передо мной распахнулась дверь, Стефания не дала мне и малейшего шанса блеснуть актерской игрой. Все шло точно так, как и описала покойница Марго в своей статье об этой самой Стефании: едва открылась дверь, как «ведьма» при виде моего чистого наивного личика тут же крепко зажмурилась, прижала обе руки к тому месту, где у нее должно было бы находиться сердце, и прошептала слабым голосом: «Порча! Какая на тебе ужасная порча, доченька! Не знаю, получится ли у меня тебя спасти...»

Пришлось мне всецело отдаться в руки великой ведьмы, покорно пройти на ее магическую кухню и обреченно усесться на табурете у окна с классической геранью на подоконнике.

Стефания рухнула напротив меня, колени в колени, и тут

же начала смотреть на меня своими круглыми рыжими глазами, вовсю изображая то ли ясновидящую, то ли целительницу, то ли гипнотизера.

– Плохо тебе, доченька? – вдоволь напаялившись на меня, покачала она головой с жидким хвостиком на самой макушке. – Ночами кошмары мучают, сердце ноет, душа мечется, беспокойно?..

Я решила, что мне следует предпринять решительные меры, иначе придется выслушать полный репертуар среднестатистической «расейской» ведьмы-авантюристки-стяжательницы.

– Извиняюсь, Стефания, но у меня все хорошо: и сплю как убитая, и кошмары совершенно не мучают, и сердце, словно пламенный мотор, – не представляете, как приятно было видеть мгновенно отвисшую челюсть Стефании. – А пришла я к вам совсем по другому делу.

Тут я порылась в сумке и извлекла последнее фото красавицы Марго, сунув его под нос ведьме.

– Видите эту девушку? Ее звали Марго, при жизни она заходила к вам и даже интересовалась деталями вашего ремесла, в результате чего написала роскошную статью, а ваш сынок – как там его зовут? – после этого изводил ее звонками с угрозами. Кстати, он не раз обещал ей голову разбить. А ей и на самом деле голову разбили! Вот я и пришла, чтобы спросить: не ваш ли сынок?

Сказать по-честному, вся эта импровизированная речь

пришла мне в голову спонтанно и неожиданно, а для пущего эффекта, ощущая невиданный прилив вдохновения, я достала из сумки и решительно сунула под нос Стефании свое удостоверение частного детектива.

Бедная женщина в одно мгновение стала бледнее мертвеца. Инстинктивным движением она перекрестилась, потом попридержала отвисшую челюсть обеими ручками, тут же плотно зажмурилась и вдруг зарыдала в голос.

Я сидела и с изумлением наблюдала за последствиями своих деяний: передо мной, широко расставив толстые ножки, сидела пожилая баба и лила слезы ручьем. Что мне было делать – только ждать конца водопада. Я и ждала!

Как и следовало ожидать, наревевшись вволю, наша ведьмочка почувствовала необходимость излить передо мной, как перед святым отцом, не только слезы, но и свою мятущуюся душу.

– Ой, доченька, прости, если что не так, – Стефания шумно утерла нос. – Я ведь женщина простая, в институтах не обучалась, божий дар во мне чернь в людях видеть и исцелять от нее. А вот сынок у меня – дурень. Он не злой, и мухи не обидит, но – дурень.

Она еще раз шмыгнула носом и утерла мокрые глазки.

– Помню я подруженьку вашу, как вы ее там назвали?

– Марго.

– Марго... Поверь мне, доченька, порча на ней была сильная, у меня сразу голова закружилась, а это первая примета –

говорю тебе, я черноту душой чую! Так вот, я сразу и стала говорить ей обо всем, что вижу: о старой любви, которая портит ей нервы, о зависти подруг и прочем. Она внимательно меня выслушала. И давай вопросы задавать: и как, по-моему, ее старая любовь выглядит да сколько ему лет, и какие платья ее ревнивая подруга любит носить. Я объяснила ей, как смогла: не вижу я платья да цвет волос, я вижу черноту или свет, и все тут! Я ей рассказала: чьи-то черные чувства ее в могилу сведут, если порчу побыстрее не снять. Она еще сто вопросов задала и потом расхохоталась мне в лицо: дура ты, мол, старая, теперь я про тебя в журнале напишу, и ни один клиент к тебе не придет, все только смеяться будут. И номер этого журнала мне на столе оставила: мол, купи, дура старая, себе такой в будущем месяце, про себя прочтешь, да с фото! И как щелкнет таким маленьким аппаратиком, я чуть не ослепла! Пока я в себя приходила, ваша подружка и смылась.

Стефания вновь утерла подолом пестрого халата мокрые глаза.

– И вот сижу я, прямо как сейчас, реву, доченька! Тут мой сын с гулянки вернулся – любит он грешным делом пить водку, как воду, все деньжата из меня на это дело вытрясает! Но при всем при том мой Антоша – добрый парень. Так вот: заходит он и видит меня, дуру старую – сижу, реву, как корова. Антошка тут же ко мне – что случилось, мать, говори, кто тебя так расстроил? Ну я и рассказала все, как есть,

клянусь, ничего лишнего не прибавила. И журнал ему показала, который дамочка эта оставила. Антоша молча все выслушал, журнал сунул под мышку и пробурчал: «Ну, я этой бабе устрою веселую жизнь!» И выбежал вон из дома. Уж я кричала ему вслед, чтоб глупости не делал, приключений не искал, так он и слушать не стал – только его и видели! А я, признаться, скоро и думать забыла обо всем этом: жизнь-то идет, клиенты приходят со своими проблемами, по телику сериалы идут, а во дворе – свои сериалы, только присядешь с соседками у подъезда – такую Санта-Барбару услышишь!

Стефания, в этот момент больше всего похожая не на тарасовскую Вангу, а на классическую бабульку у подъезда, совсем пришла в себя, даже повеселела. Она неожиданно подмигнула мне и, нагнувшись, достала откуда-то из-под кухонной скамейки початую бутылку водки «Смирновская».

– Будешь? Давай, доченька, вздрогнем с тобой – так мой муж покойный всегда говорил: вздрогнем!

Пришлось вежливо, но решительно отказаться, объяснив отказ необходимым «Мне нельзя, я за рулем».

Ведьма-бабулька без тени обиды налила себе рюмашечку беленькой и со вкусом ее опрокинула.

– Ну, как хочешь, а мы не за рулем... Видишь, у нас тут с Антошей жизнь, как на фронте: прячем друг от друга радости, а то с голой ж...й останешься. Нет его – я себя беленькой порадуя. Он дома – я придерживаюсь здорового образа жизни. Как устану – сама, прости меня, Господи, суну сыночку

сотню: иди, прогуляйся! А покуда он с дружками сбрасывается на новую гулянку, и я себя поражаю... Ну, что, не будешь со мной? За рулем, говоришь? А я – вздрогну... Чтобы у нас всегда было!..

Я поспешила ретироваться. Пусть себе пьет Стефа в гордом одиночестве, а мы отправимся по своим делам.

Глава 8

Я спустилась по лестнице, вышла во двор и, энергично прошагав к своей «девятке», уселась за руль, захлопнув дверцу.

Итак, на данный момент я могла резюмировать, что один из персонажей, которых подозревала моя клиентка Виктория, может быть практически полностью реабилитирован: Антоша, судя по любовному описанию его душевной мамочки, ни за что не рассовал бы по карманам бомжа увесистый бумажник Марго, ее бижутерию и уж тем более – бутылку хорошей водки.

Как знать: будь Стефания чуток посовременнее да пороскошнее, будь она ведьмой VIP-класса с богатой клиентурой, тогда, вполне возможно, и ее избалованный сынок мог бы так шикарно отомстить журналистке за оскорбительную статью, красиво все «оформив». Но в семействе, где мать прячет от сынка бутылку беленькой, чтобы «вздрагивать» в одиночку... Нет, убейте меня, я не поверю! Грохни Антоша красавицу Марго под горячую руку, он бы по дури прибрал и все ее добро. Один-ноль в пользу Стефании...

Только сия мудрая мысль плавной спиралью улеглась в голове, как прямо перед моими глазами развернулась любопытная сценка.

Не успела я взяться за руль, как на обширную парковочную площадку перед домом на полной скорости влетел роскошный «Порше» цвета сливок, лихо притормозив в какой-то паре метров от меня. Почти тут же из салона выскочил молодец, который выглядел, что называется, «на все сто»: джинсы крутой марки «Levi's», шелковая рубаша черного цвета, расстегнутая до пупка, что позволяло, в свою очередь, разглядеть на шоколадной груди золотой крест киллограмма в два весом.

Не знаю, стоит ли упоминать, что и небрежно взъерошенные светлые волосы парнишки, и его черные очки на половину лица также тянули на весьма кругленькую сумму. Холерной ручкой со сверкающим браслетиком на запястье красавчик прижимал к уху свой мобильник, по которому не говорил – нет, он просто орал на весь двор, словно желал, чтобы весь мир слушал только его, ловил каждое слово и не уставал восхищаться.

– Говорю тебе – нет, милая, не смогу, не подлечу, – довольно гнусавым голосом кричал он, судя по всему, находя его выше всяких похвал. – О, боже-ж мой, неужели неясно? В таком случае, открой уши пошире и слушай сюда: устал я! Как сто слонов! Понятно? Спать хочу – с ног падаю! Сейчас к матушке заскочу и сразу – прыг в свою кроватку, да как храплю!

Да уж, как только я увидела этого персонажа, как тут же во мне шевельнулось предчувствие, что передо мной и есть

сынوك ведьмы Стефании, ее бестолковый парниша Антоша, от которого бедняжка-труженица вынуждена прятать бутылочки с водочкой, чтобы он их тут же, не отходя от кассы, не выдул.

Почти сразу же, словно для того, чтобы блестяще подтвердить мою абсолютную правоту по этому вопросу, Антоша прошел ровно половину пути до подъезда Стефании, замерев в центре двора (как всякий простой смертный мог бы любоваться его изысканным силуэтом), и заорал еще погромче, так, что бабульки у подъезда разом вздрогнули, наострив ушки:

– Ну что, «Антоша, Антоша»?! Я же тебе объяснил: высплусь от души, тогда и посмотрим, может, настроение игривое будет, я соберусь да приеду, тебя во все дырки поимею. Договорились, зайка? До скорого!

Едва произнеся эту завершающую реплику, Антоша задрал голову и гордо огляделся, узрев все окрестности и народ, который стал бесплатным зрителем его блестящей миниатюры.

В этот момент к парню, отчаянно виляя хвостом, подбежала местная дворняга, попытавшись тут же, не отходя от кассы, изнасиловать ногу парниши. Антоша и тут показал себя Джеки Чаном: что есть силы пнул бедолагу, изголодавшуюся без секса, сопроводив пинок отборнейшим трехэтажным матом. После этого он небрежным жестом отряхнул свои безупречные джинсы, гордо встряхнул головушкой

и эффектно пролетел к дверям подъезда мимо уставившихся на него бабулек, изо всех сил бухнув дверью.

Вот так – век живи, век учиcь. Только-только я определила его как подозреваемого, абсолютно неподходящего, априори дав ему своего рода алиби, как словно бы сам Господь Бог порешил щелкнуть меня по носу.

Вот вам, барышня! Говорите, не смог бы этот Антоша, прибав журналистку, все ее дорогие штучки тут же рассовать по карманам бомжа? Говорите, непременно себе бы все до последнего прибрал? Как вы наивно поверили его мамашке! Словно вчера родились! А теперь посмотрите, как в реальности выглядит этот мальчик и насколько виртуозно он расходует материнские гонорары! Видали?! Обратите внимание: и тачка у него абсолютно точно подходит под описание вашего свидетеля: роскошная, светлая. Мда-а-а... Выходит, и Стефания не такая уж дурочка!

Вот вам вот урок жизни. Стало быть, необходимо «пробить» этого Антошу по полной программе: где был, что делал в ночь смерти Марго. Не знаю почему, но я тут же поверила, что Антоша, что бы он и кричал в телефонную трубку, проспит до вечера. Стало быть, у меня в запасе есть несколько часов, и я вполне могу провести их с реальной выгодой, немедленно отправившись в редакцию журнала «Оно» – познакомиться с лучшей подругой Марго, ее коллегами-завистниками и попросту подышать воздухом, которым дышала

покойная.

Я завела мотор и вырулила со стоянки.

Глава 9

Солнце ярко светило, в окошко задувал ветерок, я улыбалась миру и сама с удивлением вспоминала, как еще сегодня утром, каких-то несколько часов назад, ощущала себя разбитым корытом, которому даже золотая рыбка не поможет. Это было как в другой жизни.

К данному моменту я полностью выкинула из головы свой прокол с Антошей, для полного кайфа нацепила на нос черные очки и покатила вниз, к набережной, к улице Горького в районе Французского парка, названного так потому, что во время оно этот парк обустраивали пленные французы наполеоновской армии, да будет вам известно. Именно там, по сведениям из досье Виктории, в старом каменном доме дореволюционной постройки располагалась скромная редакция журнала эзотерики и паранормальных явлений «Оно». Стоило использовать мой трудовой энтузиазм и здоровую самоуверенность на благое дело.

Пока я ехала себе по улочкам старого города, в моей голове неторопливо выстраивались в ряд первые впечатления и соображения по делу Марго. Во-первых, общение с «самопальной» ведьмой Стефанией, ее смачные рыдания и просторечный рассказ об истории знакомства с великолепной Марго заставили меня сделать вывод, что Снежная короле-

ва Виктория далеко не права насчет того, что ее сноху «все любили». Вообще, идеальных людей нет, а уж тем более – идеальных женщин (по себе знаю!). А если женщина молода, красива и благополучна, то для девяноста девяти процентов окружающих она и вовсе как бельмо на глазу.

Что касается конкретно Марго Трубниковой, то по отдельным ее репликам в передаче Стефании, равно как и по стилю ее статей, я сделала вывод, что сия дамочка при жизни была особой, мягко говоря, ехидной. Так что можно поспорить на сто рублей – наверняка не один человек мечтал, выражаясь ярко и образно, увидеть ее в гробу. Прости меня, господи, за все сразу!

Редакция журнала «Оно» находилась в на редкость симпатичном месте: утопая в густой зелени деревьев, в тихом закутке за парком стоял небольшой двухэтажный домик из красного кирпича. На первом этаже располагалось кафе с оптимистичным названием «Удача», а дверь по соседству вела прямоком на второй этаж, где я и открыла для себя мир журнала, с первых же шагов доверивший мне свои мирные сплетни: на лестничной площадке между первым и вторым этажами была устроена курилка для творческого коллектива, где шел разговор, который я невольно подслушала, оставаясь пока невидимой для говорящих.

– ...а он что?

– Он – ничего. В общем, можно сказать, пришел в себя.

Мне кажется, он понял, насколько ошибался. Вчера позволил мне и сказал...

— ...что любит и жить без тебя не может. Это все ясно и понятно, все мужики одинаково поют. И ты ему веришь?

— Верю. Он не виноват. Она просто заграбастала его, как симпатичную шмотку. Ты же знаешь, какой была наша дорогая Марго!..

Сами понимаете, как заинтересовал меня этот диалог, учитывая то, насколько он блестяще подтвердил правоту моих размышлений по поводу полного отсутствия искренней любви широких масс к ненаглядной Марго.

Но пролет лестницы был слишком мал, а потому я, чтобы сохранить ушки на макушке, буквально на цыпочках вернулась назад, к входной двери, широко ее распахнула, как следует хлопнув, после чего начала энергично подниматься, словно только что вошла, печатая шаг, как матрос на плацу.

Разумеется, разговор в курилке тут же смолк, а когда я попала на курительную площадку, то застала там только слабо дымящиеся бычки в напольной пепельнице. На всякий пожарный случай я наклонилась и ознакомилась с названием двух выкуренных сигарет: длинные тонкие «Winston». Прием к сведению.

Мое знакомство с «лучшей подругой» Марго произошло по классическому сценарию: я постучала в дверь с табличкой «Инга Пушкиайте» и в ответ услышала вежливое: «Да! Войдите».

Я вошла и увидела перед собой опять-таки классическую картинку: тоненькая миниатюрная девица в белой блузке чинно сидела за письменным столом перед монитором компьютера и смотрела на меня двумя озерами голубых глаз, ожидая первой реплики гостя. Я сразу заговорила.

– Здравствуйте, Инга Марковна. Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, – одновременно отработанным движением я продемонстрировала свое удостоверение. – Частный детектив, приятно познакомиться.

В одно мгновение миловидное лицо Инги приняло испуганное выражение, а правая рука метнулась к горлу, словно девушка внезапно ощутила приступ удушья.

Признаюсь, наблюдать эти эмоции без малейшей попытки актерской игры было приятно, и я уселась в кресло напротив, улыбнувшись бедняжке ободряюще и успокаивающе.

– Не волнуйтесь так, Инга Марковна. Я просто хочу задать вам несколько вопросов по поводу смерти вашей лучшей подруги Марго.

Каюсь, словосочетание «лучшей подруги» я произнесла с иронической интонацией, и моя собеседница мгновенно это почувствовала, без перехода бросившись в атаку:

– Да, мы действительно были лучшими подругами. Или вы в этом сомневаетесь? А я была уверена, что бабские сплетни частные детективы не слушают.

Я изумленно округлила брови.

– Ого, значит, имеются бабские сплетни на тему ваших

размолвок?

Девушка тут же прикусила язычок.

– Нет, я просто имела в виду... Все подружки могут время от времени немного... ссорятся, разве не так?

– В нашей жизни все бывает. Расскажите, пожалуйста, из-за чего вы поссорились с Марго в последний раз, если это не секрет.

– Секрет, – тут же поспешила с ответом Инга. – Это совершенно не связано с ее смертью и касается только нас.

– Касалось – в прошедшем времени, – как можно мягче поправила я. – Дело в том, что теперь это касается очень многих, потому как Марго трагически погибла. Понимаете? Ведь кто-то ее убил.

– Надеюсь, вы понимаете, что я никого не убивала! Мы могли сколько угодно ссориться, но убийство...

Впрочем, с моей стороны этот диалог был сплошной игрой – уж я-то к этому моменту знала причину «последней ссоры», а зная причину, гораздо проще выяснить и все сопутствующие обстоятельства.

Хорошо, зайдем с другой стороны.

– Инга, а как по-вашему мнению – почему смерть Марго была так необычно... обставлена? Ясно, что убили ее где-то в совершенно другом месте, во всяком случае, не на этом газоне. Тогда для чего потребовалось доставлять тело к общепиту, где, как выяснилось, прошла часть ее юности? Да еще укладывать покойницу в такую позу, да плюс ко всему –

эта роза на груди. Кто бы мог так, простите меня за грубость, «оформить» смерть вашей подруги?

Едва я произнесла последнюю фразу, как состояние Инги неувловимо изменилось: куда-то вдруг исчезла ее настороженность и напряженность, если хотите – испуг и некий тщательно скрываемый страх. Девушка расслабилась и даже попыталась играть. Что ж, из этого стоило сделать вывод.

Глава 10

Итак, почему человек, с первых слов и вопросов испытывавший почти панический страх, вдруг столь очевидно успокоился? Ответ прост: потому что появилась возможность попытаться навязать детективу Татьяне Ивановой свою собственную, совершенно безопасную для всех версию.

Во-первых, сразу стоит отметить, что актриса из Инги получилась плохая. В то время, когда я только произносила свой последний вопрос, она еще не играла, а потому оставалась просто несчастной Ингой Пушкайте. А потом начала играть: сначала округлила глаза, попытавшись выразить ужас, прижала обе руки к горлу, тут же отдернула их и резко изменила положение – переместила оба кулачка к сердцу, в какой-то момент повторив трагические пассы ведьмы Стефании.

– Маньяк! По всему выходит, что убийство совершил совершенно... совершенно ненормальный человек!

Тут ее лицо порозовело, а в глазах заиграл огонек. Она поднялась, торопливо процокола к двери и приоткрыла ее, чтобы убедиться, что никто (читай досье Виктории – в первую очередь секретарша шефа!) нас не подслушивает.

– Мы тут с коллегами по работе даже обсуждали возможность написать статью на эту тему. Вы сами сказали: кому еще могло прийти в голову так уложить тело перед общагой,

все так... оформить – это ваше слово! Ну и в самом деле – кому, как не маньяку? Именно маньяк мог встретить Марго ночью, убить, перенести к общежитию и потом все это проделать с цветком. Ведь общага – это всегда публика, а маньяки любят работать на зрителя.

Признаться, она была реально бездарной актрисой. Стоило поверить на слово Виктории, что и в журналистике эта дамочка не обладала, что называется, искрой божьей.

Я только пожала плечами.

– Все может быть! Давайте поговорим о более простых вещах. Вы ведь были знакомы с Марго в студенческие годы?

– Но не в те годы, когда она училась в театральном, – поспешила ответить Инга, с явным облегчением прекращая свою бездарную актерскую игру, улыбаясь мне и принимая свой обычный вид – молодой, симпатичной, уверенной в себе журналистки. – Мы познакомились с ней, когда она уже рассталась с иллюзиями по поводу профессии актрисы и решила целиком посвятить себя нашему призванию – журналистике.

Как говорится, вывернулась.

– Хорошо. Но вот вы с ней были лучшими подругами со студенческих времен, наверняка она делилась с вами своими переживаниями. Не знаете, в последнее время у нее случайно не было какой-нибудь – как это говорится в продвинутых журналах, волнующей love-story?

Руки бедняжки тут же вновь нервно сжались в кулачки

на столе. Собственно, это уже и был самый выразительный ответ на мой вопрос: «Да, была! И еще какая история любви! Скорей всего она и послужила причиной смерти Марго. Но не дай бог об этом кто-то узнает!...»

На словах ответ бравой журналистки прозвучал так:

– У Марго была одна история любви на всю жизнь: она до последних дней любила своего мужа Павла. Это была на редкость красивая пара. Вы еще не познакомились с ним? Конечно, он очень тяжело переживает смерть жены и вряд ли согласится с вами разговаривать. Но...

Тут ее глаза тревожно сощурились.

– Кстати, а вы не могли бы сказать, кто вас нанял? Ведь официальное следствие, насколько мне известно, закрыли. Органы совершенно устроил бомж как возможный убийца.

– И вас эта версия тоже удовлетворяет?

– Я просто думаю, что бомж вполне мог ударить человека по голове – просто чтобы заграбастать все его добро и особенно водку. – Инга презрительно усмехнулась и опять пошла в атаку. – Но раз лично вас эта версия не устраивает, могу предложить другую. У меня имеется своя.

Она так вдохновилась, что с видом заправского Шерлока Холмса откинулась на спинку кресла, скрестив руки на груди.

– Быть может, вы еще не знаете, что последнее время Марго работала над статьей о глюках наркоманов. Главным ее героем был некий Митя – бывшая рок-звезда Тарасова, ко-

торый давно забыл о творчестве и стал законченным наркоманом. Так вот, Марго встречалась с ним в течение трех последних дней, и все было достаточно безобидно: он рассказывал ей о своих видениях и о голосах, которые слышал, даже шутил по этому поводу, а Марго угощала его мороженым – любовь к нему Митя сохранил, несмотря ни на что. Но в последний раз, после очередной встречи она пришла немного – как это назвать? – вздрюченная! Могу процитировать слово в слово то, что она мне сказала: «Ты не представляешь, дорогая, с кем я столкнулась нос к носу! Когда я еще училась в театральном, тусовался у нас в общаге некий вертлявый тип с непонятными доходами, звали его, насколько мне помнится, Алексом. Он бесследно исчез сразу после первого курса... Так вот, именно его я застала в тот момент, когда он продавал Мите дозу наркотика. Стало быть, теперь я знаю, кто снабжает отравой беднягу. Но самое неприятное, что этот Алекс тоже меня узнал и видел, что я все видела, прости меня за этот каламбур...»

Инга посмотрела на меня с торжеством.

– Ну, как вам эта версия? Разве место смерти и ее зловещий антураж не говорят о том, что все это как-то связано с этим типом? Наверняка он и сам принимает наркотики. Вот и убийство Марго он вполне мог превратить в очередной глюк, то ли Митин, то ли свой собственный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.